

Народная газ. — Ульяновск. — 2004. — 4 июня — с. 22
Владимир ЗЕЛЬДИН:

ОСТАВЬТЕ МОЕ ПОКОЛЕНИЕ В ПОКОЕ!

Уроженец города Козлова. Лауреат Государственной премии. Герой Социалистического Труда. Народный артист СССР. Лицо кавказской национальности из фильма «Свинарка и пастух». Живая легенда! Владимир Зельдин побывал в Ульяновской области и дал эксклюзивное интервью для читателей «Народной газеты».

Зельдин Владимир

В следующем году ему исполнится 90 лет. Но этот человек не сдаётся — это вообще не присуще его поколению. С тех пор как он впервые появился на экране и сразу же стал всенародным любимцем, прошло 60 с лишним лет, а он продолжает работать. Его последние наиболее заметные картины — это «Вино из одуванчиков», «Женщин обижать не рекомендуется», «Классик». Он так же востребован и в театре. На сцене Театра Российской Армии в Москве идут два спектакля с его участием — «Загнанная лошадь» и «Приглашение в замок». Сейчас вот приехал к нам в область с несколькими концертами и заодно посетить могилу отца. Когда актёры выезжают куда-то, его из уважения к возрасту спрашивают очень осторожно: «Может, и вы с нами?». В ответ же еще ни разу не прозвучало «нет», он буквально кричит: «Да, да, да!». Всегда готов работать. У него планы, задумки, мечты.

— Владимир Михайлович, мне сказали, что у вас отец похоронен где-то на ульяновской земле?

— Да... Родился я в музыкальной семье. Отец был музыкантом, а мать учительницей. Я, честно говоря, даже не думал о театре. Ну, участвовал в школьной самодеятельности, ходил в драмкружок, пел, танцевал, даже поступал в хореографическое училище при Большом театре. Но отец очень не хотел, чтобы я стал танцовщиком, и сделал все, чтобы меня не взяли. После школы хотел быть офицером, но в военно-морское училище меня не взяли из-за зрения. Судьба сложилась так, что я оказался в театре.

— Вы никогда не почитали на лаврах, хотя со спокойной совестью вас можно назвать живой легендой. Уверен, и сейчас вы над чем-то работаете?

— Знаете, Иосиф Бродский сказал: «Нужно понимать, что есть люди лучше тебя. Это облегчает жизнь». Никогда никому не завидую, поэтому мне легко жить. Я пришел в Театр Красной Армии, когда им еще руководил выдающийся режиссер Алексей Дмитриевич Попов. Я, можно сказать, долгожитель. Так сложилась судьба, что мне 89 лет, а я все еще на этом свете. Но, несмотря на возраст, продолжаю служить в театре. Сейчас репетирую роль Дон-Кихота для мюзикла «Человек из Ламанчи», который режиссирует Юлий Гусман. Он поставил много спектаклей в Азербайджане, у него большой опыт, хотя и был перерыв на КВН. Очень долго решался вопрос, ставить ли вообще этот мюзикл, потому что сомневались, могу ли я осилить такую роль в своем психофизическом состоянии. Пришлось доказывать. И я доказал — могу! Я нахожусь в приличной

для своего возраста форме, не пью, не курю. Все делаю сам... Я ведь окончил кавалерийское училище, у меня есть диплом воршиловского всадника. На прослушивании я показывал три музыкальных номера из этого мюзикла и большой монолог. Мне понравилась идея мюзикла, который в наше жестокое время говорит о человечности, доброте и красоте. Ведь сейчас мы больше говорим о деньгах, которые вышли на первый план,

а такие понятия, как совесть, порядочность, ушли в тень. Меня увлекает именно нравственная сторона этой постановки.

— В наше время не хватает нравственности?

— У моего поколения была сложная жизнь — революция, нэп, восстановление страны, потом Великая Отечественная война, восстановление разрушенных городов, затем перестройка. Представляете, что мы пережили?! Самое главное — не забывать, что было хорошего. А мы же разрушили это все одним махом. Сейчас пожинаем плоды нашего легкомыслия. Многие из моего поколения и близких мне людей воевали за Отечество, отдавали самое дорогое — свою жизнь, а мы теперь предаем этих людей.

— Вы считаете, что сейчас жизнь хуже, чем была?

— Я бы не стал судить, лучше или хуже. Скажем так, жизнь, безусловно, поменялась к лучшему или к худшему. Но тот путь, который мы выбрали, — путь демократии, который особенно важен в искусстве, это большой плюс. Хотя, конечно, распад СССР был противоестественным и, я считаю, произошел только из-за амбиций политиков. Это их амбиции, а мне-то, понимаете, очень больно. Совсем мало уже осталось в живых моих сверстников, и многие погибли на поле боя. Меня же спасла картина «Свинарка и пастух», снимавшаяся во время войны, за нее я получил «броню». И что же?! Из победителей мы превратились в

побежденных. Мне горько за тех людей, которые отдали свои жизни. За что?! Я много бывал за границей, очень много. Везде приличный уровень жизни. За наших пенсионеров государству должно быть стыдно. Мое поколение уходит с чистой совестью, потому что оно сделало самое главное: отстояло свое Отечество, в котором мы родились, выросли, воспитывались. А то, что сейчас делается, это так называемая пенсионная реформа... Уж и не говорю, правильно это или нет, правильно... По-моему, нужно мое поколение оставить в покое, чтобы мы могли спокойно умереть. И не надо делать на нас каких-то экспериментов — это должны понять товарищи, которые стоят во главе государства. Те льготы, которые вы нам дали, спасибо! Не надо экспериментировать! Они там в правительстве думают, что делают лучше, но они делают хуже.

— Господи, да когда они что-то хорошо делали... А вы сами не задумывались, чтобы в политику пойти — сейчас модно артистам в Госдуму избираться?

— Вы знаете, я даже в те времена, когда это было нужно для карьеры, никогда не был членом партии, даже в комсомол не вступал. Всегда считал, что должен быть вне каких-то правил, идей. Художник должен быть свободен в этом отношении. Поэтому это все как-то мимо меня прошло и нисколько мне не мешало. Кому-то помогало, а мне было не нужно.

— Вам, как популярно-

му советскому актеру, очевидно, и без протекции партии доставались какие-то блага?

— (Смеется)... Да нет, платили небогато. Всю жизнь я занимался благотворительностью. Во время войны дал более двух с половиной тысяч концертов, да иногда и сейчас продолжаю выступать бесплатно, если просят. Ту зарплату, которую получаю, тоже считаю благотворительностью, потому что получать должен вдвое-втрое больше. Только, ради Бога, не поймите меня, как нескромного. Нет! За рубежом актер моего плана имеет виллу, машину. А что имею я? Двухкомнатную квартиру, 28 квадратных метров. Но я должен вам сказать, что ни на кого не обижаюсь. Эта квартира для меня дорога тем, что в ней бывали Андриша Миронов (покойный, царство ему небесное), Мария Владимировна Миронова... Да что там говорить! Нет, я не жалеюсь. Я мог бы устроить свою жизнь. Сколько министров обороны бывало на моих спектаклях — мог бы кого угодно из них попросить сделать мне садовый участок. Но я занимался другим — творчеством, общественной работой. Мы с Ниной Афанасьевной Сазоновой выбивали квартиры для наших актеров, добивались установки телефонов, строительства дома для актеров. То, что мы могли помочь кому-то в этом отношении, при-

носило огромное удовольствие.

— А правду говорят, что, уже будучи известным на весь Союз после фильма «Свинарка и пастух», вы все равно продолжали жить в гримерке?

— Это правда. В то время была большая проблема с жильем. И не только я так жил. У нас две сцены: большая — одна из самых больших в Европе и малая, которая в то время не функционировала, и гримуборные были свободны. Там жили актеры, в том числе и я.

Никаких почестей и исключений для меня не делалось. Я считал, что это вполне естественно, даже был рад, что у меня есть хоть какой-то угол. Потом долго кочевал по гостиницам. Когда пришел в театр, у меня даже костюма не было: лишь флотские брюки, боты и куртка с рваными локтями. Но мне было достаточно успешно, признания коллег, зрителей. Никогда не использовал своего положения.

— А как же ваши звания, награды?

— А что звания? Раньше за орден давали 45 рублей... Знаете, Раневская — великая актриса, удивительный и остроумный человек, переезжала на новую квартиру, сказала рабочим: «Не забудьте там корбочку!». «С чем?» — спрашивают ее. «С этими похоронными принадлежностями». Так

она называла орден на подушечках. Что ордена... Они за заслуги. Главное, чтобы человек жил на достойном уровне.

— Раньше, когда по телевизору крутили «Свинарку и пастуха», я всегда задавался вопросом, почему же на роль грузина пригласили не грузина?

— Действительно, эту роль могли бы исполнить грузинские актеры, но так уж сложилось. В то время я работал в Центральном транспортном театре, которым руководил замечательный режиссер петербуржец Николай Васильевич Петров. Он был очень доброжелательный человек, умеющий работать с актерами. И в одной из пьес я играл грузина, очень здорово играл. Ассистент Пыррева пригласил меня попробоваться в «Свинарке и пастухе», дал сценарий. У меня, кстати, было много конкурентов, в том числе и настоящие грузины. Но я актер редкого амплуа — лирический любовник. А Ивану Александровичу Пырреву был нужен как раз такой герой, не приземленный, ге-

рой романтического плана, ведь роль была связана с горами, с романтической природой. Мы много работали, репетировали. Но колебался он до тех пор, пока мы не сняли последний кадр — когда я приезжаю в деревню, а Глаша выходит замуж. После этого он пригласил в просмотровый зал женщин и показал им эту сцену: «Посмотрите, нравится вам такой герой?». Я им понравился. После этого Пыррев подписал со мной договор. Так что на эту роль меня утвердили женщины.

— В жизни вы тоже романтический любовник?

— Скорее, очень увлекающийся человек. У меня были роли — «Коварство и любовь», «Учитель танцев», — где мне приходилось признаваться в любви. И мне не нужно было придумывать, играть в искренность, она сама возникала от того, что у меня были прекрасные партнерши. Отношения к женщинам у меня особое — рыцарское.

— Значит, Дон-Кихот — это ваша роль!

— Я мечтал о ней всю жизнь.

Алексей НИКОЛАЕВ
 Фото Павла ШАЛАГИНА

